

Тучи немного разошлись, и появились солнечные лучи. Не похоже, что в этот день должно быть много солнечного света, но такова уж она была - приносить немного счастья, даже когда казалось, что все потеряно. К тому же ей нравился дождь, так что в целом, возможно, это был идеальный день для нее.

"Джон, пора".

Я повернулся и увидел Роба, просовывающего голову в дверь. Он мрачно кивнул мне и скрылся в церкви.

Я глубоко вздохнул, поправил галстук и направился внутрь, чтобы присоединиться к остальным пяти поминальщикам в задней части церкви.

Церковь выглядела абсолютно переполненной. Эллиен была такой женщиной - она влияла на всех, являясь как бы центром общества, поэтому все, очевидно, пришли отпраздновать ее жизнь.

Я стояла в начале своей очереди, рядом со мной был Роб. Мы с Робом были друзьями с тех пор, как я встречался с Джули, его сестрой, более двадцати лет назад. Он оставался моим другом, когда она стала моей невестой, потом женой, потом матерью моей маленькой дочки и, наконец, моей бывшей женой, когда она решила уйти от меня к более молодому парню и новой жизни. Как и его мама Эллиен, он принял меня и оставил в семье, даже когда Джули ушла. Они все стали для меня семьей".

Я сжала его плечо в знак поддержки, он благодарно кивнул мне, а затем мы пошли вперед в официальной процессии.

Я знала, наверное, половину людей, собравшихся в церкви в тот день, и обнаружила, что со многими из них я встречалась взглядом и вежливо кивала, когда проходила мимо. Недалеко от входа жена Роба Джен вышла к алтарю и обняла Роба и меня. Она тоже стала очень близким другом.

Моей собственной семье не хватало близости, поэтому я дорожила Робом, Джен, Эллиен и Робом-старшим, который принял меня в свою семью - все праздники, мои дни рождения, случайные семейные встречи, постоянные телефонные звонки и посещение каждого события, которое мы с Лией считали важным, особенно после ухода Джули.

Так что да, уход Эллиен ранил меня почти так же сильно, как уход Роба и Джен.

Я увидела Джули впереди. Лия не сидела рядом с ней, но в этом не было ничего удивительного. Джули коротко встретила мой взгляд, едва признала меня, затем повернулась обратно к передней.

Обычно в такие моменты муж и жена утешают друг друга, но не в этом случае. Не сегодня.

Я продолжал сканировать толпу, пока не увидел Лию.

Темные светлые волосы Лии, обычно собранные в хвост, свободно обрамляли ее красивое лицо. Ее карие глаза встретились с моими, но, в отличие от матери, она задержала их на мне чуть дольше. Она грустно кивнула мне, и на ее щеках выступили слезы.

Мы поставили гроб в передней. Я сразу же сдвинулся со своего места, чтобы сесть рядом с ней в первом ряду, остальные носильщики гроба сидели у меня за спиной. Лия не сразу отреагировала на мое присутствие, но в конце концов придвинулась немного ближе, так что мы едва касались друг друга. Она никогда не была со мной очень физической, особенно в последнее время, но что-то вроде этого, очевидно, заставило бы ее быть немного более нуждающейся. Я был абсолютно не против.

На самом деле, я действительно хотел этого. Я скучал по ней. Мы.

Служба была прекрасной. Несколько ораторов выступали в разных частях, слайды показывали последние семьдесят лет жизни Эллен, и многие проливали слезы даже среди рассказов о более юмористических выходках Эллен, которые также вызывали смех и хихиканье.

Лия оставалась тихой и неподвижной.

Роб и Джен хотели, чтобы я выступила, но я знала, что это будет нехорошо. Расширенная семья разделилась на фракции, поддерживающие либо Джули, либо меня, и я не хотел, чтобы наша драма отвлекала от празднования Эллен. Поэтому вместо этого я написала речь и дала копии Джен, Робу и Лии. Джен и Роб сразу же прочитали ее и расплакались. Лиа взяла ее. Не знаю, читала ли она ее еще, но я серьезно так не думаю. То, что она взяла ее, было достаточно для меня, я думаю. А может, и нет.

Честно говоря, когда Роб-старший умер за два года до этого, уже существующая драма увязла бы в делах о наследстве и без моего участия. Для меня было абсолютно логично вести себя тихо. И вместо этого я сосредоточилась на двух важных женщинах в моей жизни - той, с которой мы праздновали хорошо прожитую жизнь, и той, с которой я так хотела вернуться в гораздо более счастливые времена. Мне не хватало их обеих.

+++++

"Ты не хотела перекусить по дороге домой?"

Лия покачала головой, не глядя на меня, пока пристегивала ремень безопасности: "Нет, спасибо", - пробормотала она, явно потерявшись в мыслях, вероятно, думая об Эллен и мало о чем еще.

Я завел машину и переключился на драйв, чтобы направиться к дому.

Лия почти не разговаривала с тех пор, как здоровье ее бабушки пошатнулось в последние несколько недель, и почти совсем не разговаривала после ее смерти. Поэтому я молча сидел на сиденье, медленно выезжая с парковки, и думал, что же я могу ей сказать.

Уголком глаза я видел, как моя прекрасная дочь тихо смотрит в окно.

Я вспомнил дни, когда она обнимала и целовала меня на ночь, дни, когда мы вместе смеялись над самыми нелепыми вещами, дни, когда она просто сидела рядом со мной и обнимала меня. Иногда мы были настолько синхронны, что нам не нужно было много говорить. Мы понимали, о чем друг с другом думаем или что имеем в виду, просто встречаясь взглядами, за которыми следовали приступы хихиканья.

А теперь? Я так скучал по ней, и все же мы спали друг напротив друга. Мы вместе ели, коротко разговаривали друг с другом, а потом разошлись в разные стороны. И я не знала, что делать.

Я понимаю, что когда дочери исполняется восемнадцать, отношения должны были измениться, но, наверное, тот факт, что ее мать ушла, только усилил новый разрыв между нами.

Мы жили недалеко от церкви, так что ехать было недолго.

Она сразу же вышла из машины и направилась к дому. Я знал, что, скорее всего, не увижу ее до конца дня.

Я переоделся в джинсы и футболку и устроился на диване. Мой разум пытался переварить потерю Эллен. С эгоистической точки зрения, потеря Эллен будет ощущаться очень долго. Я просто чувствовал глубокую печаль от того, что ее больше нет в моей жизни.

Лия стала отстраненной, отчужденной или что-то в этом роде после ухода Джули. Я был уверен, что она винит меня в том, что Джули решила уйти, и что бы я ни пытался сделать, я просто не мог придумать, как это пережить. На следующий день после ухода Джули Лия ушла в свою комнату и закрыла дверь, и прошло несколько дней, прежде чем она снова открылась.

Казалось, что после этого, в течение последних шести месяцев, она терпела меня. Я оплачивал счета и поддерживал ее, и она иногда разговаривала со мной. Думаю, я стал относиться к этому нормально, в основном потому, что это казалось лучше, чем альтернатива. Я любил ее, поэтому был готов делать все необходимое. И я мог показать ей, что люблю ее, давая ей много пространства и поддерживая ее. На самом деле она не хотела иметь со мной ничего общего, но те небольшие моменты, когда мы пересекались, были хоть чем-то.

Иногда меня удивляло, что она не ушла жить к Джули, но она, похоже, совсем не хотела общаться с мамой. Мама звонила, а Лия просто молча качала головой. Джули решила, что я

настроила Лию против нее, но я дала себе зарок не говорить Лии плохо о ее матери. Она должна сформировать свое собственное мнение, независимо от того, насколько сильно Джули меня обидела. И, очевидно, она так и сделала.

Может быть, она просто одинаково ненавидела нас обеих. Кто мог бы ее винить, верно? Мы с Джули обе сыграли свою роль в том, что все испортили.

Итак, Эллен стала почти ежедневной поддержкой для моей дочери после того, как ее мать ушла из нашей жизни полгода назад, поскольку я, очевидно, не мог быть тем эмоциональным помощником, в котором она нуждалась. Они разговаривали ежедневно, по крайней мере, по телефону, один из таких раз всегда прямо перед сном. Они были близки и раньше, но после моего разрыва с Джули они стали почти неразлучны.

Ей нужна была женская мудрость, а я, очевидно, не соответствовал требованиям. Я смирился с этим. К тому же, когда Лия обиделась на меня за уход Джули, наши отношения резко изменились в тот день, когда все развалилось. Мне отчаянно хотелось, чтобы все было по-другому, как тогда, когда моя маленькая девочка не могла проводить достаточно времени у меня на коленях.

Как я могу вернуться к этому? Скорее всего, никогда. Окно закрылось.

Я никогда не чувствовал себя подготовленным к таким вещам - читать женщин, знать, что сказать, когда сказать, выразить себя. А без Эллен, которая была моим надежным советчиком и поддержкой, я просто не знал, что теперь делать.

Кончина Эллен и ее последующее влияние на Лию были именно тем событием, которое обычно побуждает меня позвонить Эллен и спросить совета.

Я посмотрел в коридор. С дивана я едва мог видеть ее дверь.

Она была там, в двадцати футах от меня. Моя маленькая девочка. Последняя важная женщина в моей жизни. Последний важный человек, на самом деле. И вот я сидел в растерянности.

Эллен, самый мудрый человек, которого я когда-либо знала, давала мне много материнских советов на протяжении многих лет, особенно после ухода Джули. Она постоянно подчеркивала, что нужно делать то, что должно быть сделано для тех, кого ты любишь. Казалось бы, все просто, но во многих отношениях это оказалось ежедневным выбором, жертвованием ради любви, объясняла она.

Я старался с Джули, даже когда она ушла. Я был готов сделать все для нашего брака, чтобы восстановить его, перестроить или даже начать все сначала, но Джули не хотела ничего подобного. Я назначал консультации по вопросам брака, встречи с общими друзьями и посредниками, даже пытался уговорить ее сесть за стол переговоров со мной и ее матерью, но она не приходила. Она отказывалась говорить о том, почему и что, со своими друзьями, со

своей семьей, со своим пастором и даже с Эллен. Джули закрылась. Полностью. И меня определенно больше не приглашали в ее мир.

Более расширенная семья, которая не знала ни одной детали, предполагала худшее обо мне, чужаке, жителе пригорода, который переехал в их сельскую общину. Я не знал их уклада. Я не разделяла их ценности. Очевидно, у меня был роман, или я злоупотреблял Джули, или что-то совсем ужасное. Эллен, Джен и Роб пытались исправить эти заблуждения, но люди видели то, что хотели видеть.

А теперь с Лией...

Что бы Эллен посоветовала мне делать сейчас?

Лия не должна быть совсем одна. Она явно нуждалась в утешении. И с уходом Эллен ее стабильность тоже. Но мог ли я вообще быть таковым для нее? Больше, чем свои собственные чувства, мне было неприятно видеть, как ей больно.

Скорее всего, она не захотела бы со мной разговаривать. Скорее всего, она даже не хотела, чтобы я находился с ней в одной комнате. Я мог открыть дверь, и она могла бы посмотреть на меня с раздражением, гневом, обидой, а может, и еще хуже.

Но она была одна. Эллен не было. Ей нужен был кто-то. Она не должна быть совсем одна, даже если единственным доступным выбором был я.

Моя гордость, мои потребности, мои страхи - все это было не так важно, как то, что нужно Лии. И она может не хотеть, чтобы я входил в ее пространство, но она может нуждаться в этом. Поэтому я решил, что так и поступлю. На каком-то уровне я был ей нужен. И я сделаю то, что мне нужно. Сейчас она не была бы одинока.

Несмотря на то, что путь к ее двери занял всего восемь шагов, он показался мне долгим. Я поднял руку, чтобы постучать в дверь, сделал паузу и, наконец, осторожно постучал.

"Да?" Я едва услышала ее мягкий голос за дверью.

"Лия, можно я зайду на секунду? Обещаю быть очень краткой, а потом просто уйду с твоего пути".

"Конечно".

Я открыла дверь. Она переоделась в футболку и шорты и сидела со скрещенными ногами на кровати, прижав подушку к груди. Ее лицо все еще выглядело красным и опухшим от слез. Она выглядела такой грустной в этот момент. Мое сердце разбилось о нее.

Мы закрыли глаза на мгновение или четыре, а затем я начала, мой голос надломился: "Мне очень жаль, Лия...".

Она уставилась на меня, ее губы дрожали, когда она пыталась сдержаться. Ее тело напряглось. Я почувствовала страх, что сделала ей еще больнее, что даже разговор с ней привел к чему-то худшему, чем потеря бабушки.

Но потом она сломалась. Ее лицо исказилось, рот открылся, и она начала рыдать. Она тут же переместилась на край кровати, свесив ноги на пол. Она не полностью раскрыла руки, но выглядела так, будто хотела этого.

В тот момент я понял. Это был инстинкт. Как в детстве, когда она была маленькой, она просто протягивала руки и ждала, когда я подойду к ней, возьму ее на руки, обниму. Ей нужно было знать, как невероятно важна она для меня в эти моменты. Без проблем.

Я шагнул вперед, она встала и упала в мои объятия. Я почувствовал невероятное облегчение от того, что она позволила мне взять ее на руки, по крайней мере, в этот момент. Ее руки крепко сжали меня, и она прижалась лицом к моей шее. Я чувствовал ее теплые слезы на своей коже.

Ее тело билось в конвульсиях, она продолжала неудержимо рыдать. Я просто держал ее, чтобы утешить и не дать ей упасть.

Должно быть, она так много держала в себе последние несколько дней, потому что все это словно выплеснулось наружу, как будто только что прорвало плотину.

Она продолжала крепко обнимать меня, как будто от этого зависела ее жизнь. Мне было так хорошо, когда она снова была в моих объятиях. Прошло несколько месяцев с тех пор, как мы даже не обнимались. Я просто поглаживал ее по спине, пока она прижималась ко мне.

Через несколько минут она начала понемногу успокаиваться. Она не отпускала меня, но ее тело, наконец, перестало биться в конвульсиях.

Она оставалась в моих объятиях молча еще несколько минут, но потом подняла на меня глаза: "Прости, папа".

Мое сердце растаяло. Обычно она называла меня папой и называла папой только тогда, когда шутливо и стереотипно хотела денег или более серьезно, когда чувствовала себя очень уязвимой, и совсем не называла с тех пор, как ее мама ушла от нас. Я был так рад, что я ей нужен.

Я инстинктивно положил ладонь на ее мокрую щеку. Мне хотелось утешить ее и защитить. Я хотел, чтобы ее сердечная боль и глубокие переживания ушли. Я хотел, чтобы она была счастлива. Моя ладонь не была волшебной, но, по крайней мере, она могла хоть немного

утешить.

Она закрыла глаза, когда мой большой палец погладил ее щеку.

"Не нужно извиняться, детка", - прошептал я ей. "Я всегда буду здесь для моей девочки".

Она слегка улыбнулась и начала вытирать глаза, отстраняясь.

Мои пальцы ненадолго задержались на ее спине, когда она отошла чуть дальше, а затем я почувствовал, как ее тело переместилось в положение сидя на кровати.

"Спасибо..." - сказала она, опустив глаза на пол.

Я опустился перед ней на колени: "Я могу что-нибудь сделать для вас?".

Ее глаза встретились с моими. Она покачала головой и грустно улыбнулась.

"Ну, если есть что-нибудь, пожалуйста, дай мне знать. Хорошо? Я сейчас выйду".

Она кивнула.

Я вышел из ее комнаты и вернулся к дивану.

Я сел на диван, мысленно возвращаясь к тому моменту, когда я почувствовал ее в своих объятиях. Она нуждалась во мне. Она хотела, чтобы я ее обнимал. В тот момент мы с моей девочкой соединились. Глубоко. Маски и стены временно спали для нас обоих, и у нас был момент, когда мы вернулись к тому, что было раньше. И как бы мне ни было невероятно грустно из-за кончины Эллен, у меня был маленький проблеск солнечного света, пробивающийся сквозь тучи. Маленький проблеск надежды. Может быть. Я чуть-чуть улыбнулся.

++++++

Лия не пришла на ужин. Она сказала мне, что не хочет есть. Мне тоже не очень хотелось есть, поэтому я занялся стиркой, сделал несколько дел по дому, а затем направился в постель. Большую часть своего времени в последнее время я проводила, спасаясь от стресса чтением по ночам, поэтому я включила iPad и вернулась к своему последнему бездумному чтению.

Через некоторое время скрип двери вывел меня из состояния бегства. Я увидел, как Лия заглянула в щель, грусть все еще была написана на ее лице. Она нерешительно стояла за дверью и видела только свое лицо, свет луны через окно освещал ее лицо, а глаза пытались

привыкнуть к относительной темноте.

Лия никогда не приходила ко мне, когда я ложился спать, поэтому, конечно, я подумал, что что-то должно быть не так. Надев только трусы-боксеры, я решил остаться в постели. Незачем доставлять ей еще больший дискомфорт.

Увидев, что я проснулся, а мой iPad присоединился к луне, проливая немного света в темноту, она вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

Я ничего не сказал, ожидая, что она скажет. Она тихо подошла к кровати, села на край и забралась ко мне в постель. Она делала так сотни раз, когда была моложе - кошмары, страшные звуки, смотрела что-то страшное перед сном, а может быть, даже без всякой причины. В то время она нуждалась во мне, чтобы я помог ей снова почувствовать себя в безопасности.

Конечно, тогда Джули еще не уехала, поэтому Лия заползла в кровать между нами. Мы обнимали ее, гладили по волосам, успокаивали, пока она не засыпала. В этот раз моя уже довольно взрослая дочь, одетая в футболку и маленькие шорты, заползла в кровать к своему отцу, на котором были только трусы-боксеры. Все определенно изменилось.

Но тогда я ни в чем не сомневался. Я был ей нужен. Очевидно. А мы делаем то, что должны, для тех, кого любим. И я был нужен ей.

Она прижалась ко мне спиной, а затем придвинула свое тело ко мне. Это было мило, как она молча пыталась заставить меня занять позицию рядом с ней. Но я не собиралась смеяться над этим, моя дочь, которая, как я думала, не могла меня выносить, физически перемещала себя в положение, в котором я могла ее утешить. Я оказался зажат между чувством печали по поводу ее глубокой утраты и радостью от того, что я нужен ей настолько, чтобы игнорировать любой гнев или разочарование, которые она испытывала по отношению ко мне, когда искала моего утешения.

Я выключил iPad, отложил его в сторону, подошел к ней сзади и осторожно положил свою руку поверх ее, прекрасно осознавая, что я был только в нижнем белье. Она тут же схватила мою руку и прижала ее к своему животу, крепко обнимая меня. Внезапно я оказался в роли большой ложки, мое тело вплотную прижалось к ее спине. Она немного расслабила свое тело подо мной, но ее живот продолжал двигаться, когда она тихо плакала в моих объятиях.

Я поцеловал ее волосы и просто крепко обнял ее.

Мои мысли заставили меня не спать некоторое время; Эллен ушла, Лия так страдала, она нуждалась во мне, я подключился, и неизвестные дни впереди.

Я слышал, как ее дыхание менялось по фазам - сначала тихий плач, затем осторожные и тихие размышления, затем более расслабленное дыхание, и, наконец, ритм дыхания, который

указывал на то, что она окончательно заснула.

Я осторожно держал руку на ее голом животе, не двигаясь, ее кожа была теплой и мягкой на ощупь. Казалось, она нуждалась в моих объятиях, поэтому я остался на месте.

Я чувствовал форму ее попы, прижатой ко мне. Мы с Джули часто засыпали в такой позе. Мне это нравилось - удобно и чувственно для нас. Когда это приводило к чему-то более эротичному, моя рука часто скользила вниз к вершине ее бедер, под переднюю часть трусиков, чтобы стимулировать ее, почувствовать, как она извивается.

Эта позиция в основном была удобной для меня и Лии, ведь она была моей дочерью, но, честно говоря, это было очень приятно. Мне нравилась ее кожа, ощущение ее тела напротив моего. В какой-то степени это напоминало мне о тех ночах с Джули. Те, по которым я явно скучал.

Каким-то образом мой бешеный ум и мое внимание к моей прекрасной дочери в конце концов успокоились, и я задремал.

+++++

Утром я снова оказался один в постели. Я принял душ, оделся и пошел на кухню, где Лия завтракала.

"Доброе утро, папа", - тихо и осторожно сказала она. Она не улыбнулась, и я все понял.

"Доброе утро, милая. Что-нибудь нужно?"

Она покачала головой, отправляя в рот очередную ложку каши и отводя от меня глаза.

Полагаю, она решила не обсуждать вопрос о том, чтобы переспать со мной прошлой ночью. Скорее всего, она посчитала, что в этом нет ничего страшного, и опять же, если это ее утешит, то я буду рад это сделать.

Пока я ставил себе миску, она доедала свою. Она вышла из кухни, протиснулась мимо меня, замедлила шаг, словно колеблясь, и ее легкое тело прикоснулось к моему. Ее глаза остановились на моих, как бы оценивая меня. Остановившись на чем-то, она молча поцеловала меня в щеку и пошла дальше по коридору в сторону своей комнаты. Я не мог сдержать улыбку удовольствия, появившуюся на моих губах.

<http://erolate.com/book/1803/52004>